

Х Е Л Е Н
У Э К Е Р

ГОЛЕМ И ДЖИНН

Издательство «Иностранка»

МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
У 97

Helene Wecker
THE GOLEM AND THE JINNI
Copyright © Helene Wecker, 2013
This edition published by arrangement
with Frances Goldin Literary Agency, Inc.
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Ирины Пандер

Оформление обложки Егора Саламашенко

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-22891-7

© И. П. Пандер (наследник), перевод, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Иностранка®

Жизнь Голема началась в пароходном трюме. Стоял 1899 год, пароход назывался «Балтика» и шел из Данцига в Нью-Йорк. Хозяин Голема, по имени Отто Ротфельд, тайком доставил его на борт в деревянном ящике и спрятал среди багажа.

Ротфельд был прусским евреем родом из Кониана, небольшого, но активно растущего городка к югу от Данцига. Единственный сын преуспевающего мебельного фабриканта, он рано унаследовал семейное дело, когда оба его родителя скоропостижно скончались от скарлатины, однако пользы ему это не принесло. Ротфельд оказался человеком заносчивым, но совершенно лишенным деловой хватки и не особенно практичным. Не прошло и пяти лет со дня со смерти родителей, как бизнес пришел в полный упадок.

Озирая руины некогда успешного предприятия, он подвел первые неутешительные итоги. Ему только что исполнилось тридцать три года. Он хотел жениться и хотел уехать в Америку.

Решить первую проблему оказалось труднее, чем вторую. Помимо заносчивости, Ротфельд обладал и другими малопривлекательными чертами: он был тощим, долговязым и смотрел исподлобья и злобно. Женщины не стремились остаться с ним наедине. Несколько свях зааживали к нему вскоре после смерти родителей, но предлагаемые невесты были недостаточно родовиты, и он их отверг. А когда стало очевидным, что бизнесмен из молодого Ротфельда получился нукудышный, предложения прекратились сами собой.

Гордость гордостью, но иногда Ротфельду становилось одиноко. У него не случилось ни одной настоящей любовной связи. В глазах достойных женщин, встреченных на улице, он читал только отвращение.

А потому вскоре Ротфельд решил посетить старого Иегуду Шальмана.

Про этого Шальмана в городке ходило множество разнообразных, но в чем-то схожих слухов: говорили, что он был раввином, но запятнал себя чем-то и за это был изгнан из своей общины; что он одержим дьяволом-диббуком и наделен сверхчеловеческой силой и даже что от роду ему сто лет и он спит с демоном, принявшим женское обличье. Все сходились на том, что в самых темных закоулках каббалы он чувствует себя как дома и не прочь поделиться своими знаниями за хорошую плату. Бесплодные жены крадучись посещали его среди ночи и вскоре после этого объявляли о своей беременности. Крестьянские девушки, мечтающие о замужестве, покупали у Шальмана мешочки с порошками и тайком подсыпали их в пиво своим возлюбленным.

Но заговоры и приворотные зелья не интересовали Ротфельда. Он задумал другое.

Едва заметная тропинка привела его к дверям ветхой хижины среди густого леса, обступившего Конин. Только струйка неопрятного, желтоватого дыма, поднимающаяся из трубы, говорила о том, что это убогое жилище обитаемо. Стены его угрожающе кренились в сторону оврага, по дну которого струился жидкий ручей.

Ротфельд постучал в дверь и прислушался. Только через несколько минут за нею послышались шаркающие шаги. Дверь чуть приоткрылась, и он увидел старика лет семидесяти. Тот был совсем плешив, не считая короткой бахромки седых волос вокруг лысины. Спутанная борода, глубоко запавшие морщинистые щеки. Тяжелый, испытующий взгляд.

— Ты Шальман? — спросил Ротфельд.

Никакого ответа, только непроницаемый взгляд.

Ротфельд нервно откашлялся.

— Я хочу, чтобы ты сделал для меня голема, точно такого, как человек, — выговорил он. — Вернее, как женщина.

Тут старик прервал молчание и издал смех, больше похожий на лай.

— А ты, паренек, хоть знаешь, что такое голем? — спросил он.

— Человек, созданный из глины? — неуверенно отозвался Ротфельд.

— Неверно. Скорее, вьючное животное. Раб, неуклюжий и нерассуждающий. Голема создают для тяжелой работы или защиты, а уж никак не для радостей плоти.

— Значит, ты мне отказываешь? — покраснел Ротфельд.

— Значит, я объясняю тебе, что это дурацкая затея. Создать голема, похожего на человека, почти невозможно. В него ведь придется вложить хоть малую толику сознания, достаточную, чтобы связать пару слов. Не говоря уже о теле, гибких суставах, мускулах...

Старик вдруг замолчал, глядя мимо своего собеседника. Казалось, он обдумывает какую-то неожиданную мысль. Потом он развернулся и скрылся в темной глубине хижины. Через приоткрытую дверь Ротфельд видел, как Шальман осторожно роется в высокой стопке бумаг. Он извлек из нее книгу в кожаном переплете, открыл, внимательно прочитал что-то, ведя пальцем по странице, и только потом поднял глаза на Ротфельда.

— Приходи завтра, — сказал он.

На следующий день Ротфельд снова постучал в дверь Шальмана, и на этот раз она распахнулась сразу же.

— Сколько ты сможешь мне заплатить? — спросил старик.

— Значит, ты выполнишь мою просьбу?

— Скажи, сколько заплатишь, и тогда я дам ответ.

Ротфельд назвал сумму. Старик нахмурился:

— Прибавь еще полстолька, и тогда поговорим.

— Но это все, что у меня есть! — возмутился Ротфельд.

— Ну и считай, что тебе повезло. Сказано ведь, что добродетельная женщина дороже драгоценных рубинов, а ее добродетель я могу тебе гарантировать! — усмехнулся Шальман.

Ротфельд вернулся через три дня и принес с собой большой несессер, набитый деньгами. На кромке оврага он заметил свежую отметину: кусок глины длиной с человеческое тело был словно срезан, а у стены хижины стояла грязная лопата.

Шальман, открывший ему дверь, казался рассеянным, будто его оторвали от какого-то важного занятия. Его одежда и даже борода были измазаны землей. Увидев несессер, он почти вырвал тот из рук гостя:

— Хорошо. Заходи через неделю.

Дверь захлопнулась перед носом Ротфельда, но тот все-таки успел разглядеть темную фигуру, вытянувшуюся на столе: длинное тело, едва намеченные ноги, согнутая в локте рука.

— Каких женщин ты предпочитаешь? — спросил Шальман, когда через неделю Ротфельд снова пришел к нему.

На этот раз его пригласили в дом. Всю середину комнаты занимал большой стол, и молодой человек то и дело украдкой бросал взгляды на лежащую на нем человеческую фигуру, прикрытую простыней.

— В каком смысле предпочитаю?

— Ну, я ведь делаю женщину для тебя. У тебя должны быть какие-то пожелания.

Ротфельд нахмурился:

— Ну, наверное, хорошая фигура...

— Нет-нет, я пока не говорю о наружности. Я имею в виду темперамент. Характер.

— Ты и *это* можешь?

— Да, кажется, могу, — с гордостью кивнул старик. — По крайней мере, могу подтолкнуть ее в нужном направлении.

Ротфельд надолго задумался.

— Я хочу, чтобы она была покорной.

— Покорной она будет в любом случае, — нетерпеливо перебил его Шальман. — Для того и существуют големы — чтобы полностью покоряться воле хозяина. Она сделает все, что

ты прикажешь. Ей даже в голову не придет, что можно послушаться.

— Хорошо, — кивнул Ротфельд.

Он растерялся. Не считая приятной наружности и покорности, у него, кажется, не было никаких пожеланий. Он уже готов был сказать Шальману, чтобы тот делал то, что сам считает нужным, но неожиданно для себя вспомнил младшую сестру — единственную девочку в его жизни, которую он близко знал. Ее переполняло любопытство, и она постоянно надоедала их матери, вечно путалась под ногами и задавала бесконечные вопросы. И юный Отто, проявив необычную для него душевную щедрость, почему-то решил взять ее под свое крыло. Целыми днями они вдвоем бродили по лесу, и он отвечал на бесконечные вопросы девочки. Когда в двенадцать лет жарким летним полднем она утонула, купаясь в реке, он потерял единственного на свете человека, что-то значившего для него.

— Сделай ее любопытной, — попросил он Шальмана. — И умной. Терпеть не могу глупых женщин. И еще, — добавил он, озаренный неожиданным вдохновением, — пусть она будет приличной. Не... не распущенной. Настоящей женой благородного господина.

Брови старика удивленно поползли вверх. Он ожидал, что клиент закажет материнскую нежность или здоровый сексуальный аппетит. За долгие годы составлений любовных зелий для мужчин, подобных Ротфельду, он успел изучить их вкусы. Но любопытство? Ум? Да знает ли этот человек, о чем просит?

Но в ответ он только улыбнулся и развел руками:

— Я постараюсь. Результат может быть не совсем таким, как ты хочешь. Глина есть глина. И запомни вот что. — Шальман слегка нахмурился. — Она все-таки навсегда останется големом, изменить этого я не смогу. В ней будет сила дюжины мужчин. Она станет защищать тебя, не раздумывая, и ради этого легко сможет причинить вред другим. Еще никогда на свете не был создан голем, который не начинал бы в конце концов крушить все вокруг. Ты должен быть готов, что когда-нибудь тебе придется ее уничтожить.

Работа была закончена за день до отъезда Ротфельда в Данцигский порт. В последний раз он отправился к Шальману на телеге, захватив с собой большой деревянный ящик, скромное коричневое платье и пару женских туфель.

Старик, судя по виду, не спал уже несколько ночей. Его глаза напоминали черные ямы, и он был бледен, словно кто-то высосал из него всю силу. Когда он зажег висящую над столом лампу, Ротфельд впервые увидел свою суженую.

Она оказалась высокой, почти того же роста, что он сам, и ладно сложенной: продолговатое туловище, маленькие и крепкие груди, округлая галия. Бедра, возможно, немного широковаты, но ей это шло. От темного треугольника внизу живота Ротфельд поспешно отвел взгляд, испугавшись собственного смятения и насмешки в глазах старика.

Скуластое лицо имело форму сердечка, закрытые глаза были широко расставлены. Небольшой аккуратный нос с легкой горбинкой над полными губами. Темные волнистые волосы до плеч.

Осторожно, словно не веря себе, Ротфельд положил руку на прохладное плечо.

— По виду совсем как кожа, — сказал он. — И на ощупь тоже.

— Это глина.

— Как же ты такое сделал?

Шальман улыбнулся и промолчал.

— А волосы, глаза? Ногти? Они тоже из глины?

— Нет, они вполне настоящие, — любезно заверил его старик.

Ротфельд вспомнил несессер, набитый купюрами, представил себе, на какие покупки пошла часть этих денег, поежился и решил больше не думать об этом.

Вдвоем они одели глиняную женщину и осторожно погрузили ее в ящик. Прясть волос упала при этом ей на лицо, и Ротфельд, дождавшись, чтобы старик отвернулся, бережно поправил ее прическу.

Шальман отыскал на столе листок бумаги и записал на нем две команды: одну — чтобы оживить голема и вторую — чтобы уничтожить его. Дважды сложив листок, он поместил его в клеенчатый конверт, подписал его «КОМАНДЫ ДЛЯ ГОЛЕМА» и вручил Ротфельду. Тот был склонен оживить женщину прямо сейчас, но старик возражал:

— Ей потребуется время, чтобы прийти в себя, а на пароходе будет чересчур многолюдно и тесно. Если кто-нибудь догадается, кто она, вас обоих вышвырнут за борт.

Неохотно Ротфельд согласился дождаться прибытия в Америку, и, закрыв ящик, они приколотили крышку гвоздями.

Шальман плеснул в два стакана шнапса из пыльной бутылки.

— За твоего голема, — произнес он и выпил.

— За моего голема, — откликнулся Ротфельд и выпил тоже.

Этот счастливый миг омрачала только постоянная ноющая боль у него в животе. Пищеварение молодого человека всегда доставляло ему неприятности, а нервное напряжение последних дней окончательно расстроило его желудок. Стараясь не обращать на боль внимания, он помог Шальману погрузить ящик на телегу, и лошадь тронулась с места. Стоя на пороге, старик махал им вслед, словно паре новобрачных.

— Желаю тебе в полной мере насладиться ею! — крикнул он, и его лающий смех еще долго слышался среди деревьев.

Судно вышло из Данцига и потом сделало остановку в Гамбурге без всяких происшествий. Прошло два дня. Ночью Ротфельд лежал на своей узкой койке, сжимая в кармане клеенчатый конверт «КОМАНДЫ ДЛЯ ГОЛЕМА», и чувствовал себя как ребенок, которому вручили подарок, но не велели открывать его. Он бы легче перенес ожидание, если бы мог уснуть, но все усиливающаяся боль в правом боку превратилась в навязчивость и гнала сон прочь. Его постоянно знобило, а кроме того, со всех сторон окружал непривычный шум дешевой

пассажирской палубы: разноголосый храп, всхлипывания детей и иногда звуки чьей-то рвоты из-за непрерывной качки.

Он перевернулся на другой бок, поморщился от нового приступа боли и подумал, что старик наверняка переборщил с осторожностью. Если она будет такой послушной, как он обещал, значит он вполне может разбудить ее прямо сейчас, просто чтобы посмотреть. А потом прикажет ей спокойно лежать в ящике до самой Америки.

А что, если ничего не выйдет? Если она совсем не проснется, а так и останется холодным куском глины в форме женщины? Ему вдруг впервые пришло в голову, что у него нет никаких доказательств слов Шальмана. В панике он вытащил из кармана конверт и развернул листок. Какая-то абракадабра на иврите! Ну и дурака же он сваял, олух доверчивый!

Ротфельд спустил ноги с койки, снял с гвоздя керосиновую лампу и, придерживая ноющий бок рукой, поспешил по трапу вниз, в грузовой трюм.

Почти два часа ушло на то, чтобы отыскать ящик среди сундуков и чемоданов, обмотанных бечевками. Желудок горел, как в огне, а глаза заливал холодный пот. Наконец под скатанным в рулон ковром он нашел ящик со своей невестой.

С помощью ломика Ротфельд выдернул гвозди и откинул крышку. Сердце гулко колотилось в груди. Он развернул листок и тщательно произнес слова под заголовком «Чтобы оживить голема». Потом затаил дыхание и стал ждать.

Медленно Голема наполняла жизнь.

Сначала пробудились чувства. Кончики пальцев различили шершавую поверхность дерева, а кожа женщины ощутила на себе прикосновение холодного влажного воздуха. Она почувствовала движение судна. Ноздри уловили запах плесени и моря.

Она все больше просыпалась и скоро уже знала, что у нее есть тело. Пальцы, трогающие дерево, — это ее пальцы, и кожа,

чувствующая холод, — ее кожа. Она попробовала шевельнуть рукой, и у нее получилось.

Рядом шевелился и дышал мужчина. Она знала его имя и знала, кто это: ее хозяин, единственная цель ее существования, а она была големом, покорным его воле. И сейчас хозяин хотел, чтобы она открыла глаза.

Она открыла глаза.

В тусклом свете хозяин стоял на коленях рядом с ящиком. Его лицо и волосы были мокрыми от пота. Одной рукой он держался за край ящика, другую прижимал к животу.

— Привет, — прошептал Ротфельд, у которого от дурацкого смущения вдруг перехватило горло. — Ты знаешь, кто я?

— Ты мой хозяин. Тебя зовут Отто Ротфельд. — Ее голос был ясным и звучным, хоть и немного низковатым.

— Правильно, — подтвердил он, словно разговаривая с ребенком. — А кто ты такая, ты знаешь?

— Голем. — Она ненадолго задумалась. — У меня нет имени.

— Пока нет, — улыбнулся Ротфельд. — Надо будет придумать.

Его лицо вдруг исказилось, и голему не надо было спрашивать отчего: боль хозяина приглушенным эхом отзывалась и в ее теле.

— Тебе больно, — встревоженно проговорила она.

— Ерунда, — покачал головой Ротфельд. — Сядь.

Она села в ящике и огляделась. Керосиновая лампа давала тусклый свет, столб которого качался вместе с судном. Тени то вытягивались, то становились совсем короткими и прятались в щелях между сундуками и коробками.

— Где мы?

— На корабле, плывем по океану, — объяснил Ротфельд. — Мы направляемся в Америку. Тебе надо быть очень осторожной. Тут куча людей, и они испугаются, если узнают, кто ты такая. Он страха они могут причинить тебе вред. Ты должна лежать в ящике совсем тихо, пока мы не доплывем.

Судно внезапно накренилось, и женщина испуганно схватилась за края ящика.

— Не бойся, — прошептал Ротфельд и дрожащей рукой осторожно погладил ее по голове. — Со мной ты в безопасности. Мой Голем.

Вдруг он охнул, повалился головой на палубу, и его начало рвать. Голем смотрела на него озабоченно и печально:

— Твоя боль становится все сильнее.

Ротфельд закашлялся и вытер губы тыльной стороной руки:

— Говорю тебе, это ерунда.

Он попробовал встать, но снова повалился на колени. Волна паники захлестнула его, и он понял, что с ним происходит что-то серьезное.

— Помоги мне, — прошептал он.

Команда поразила женщину, словно стрела. Она моментально выбралась из ящика, нагнулась над Ротфельдом, подхватила его на руки, точно он весил не больше ребенка, и, прижимая его к себе, поспешила к трапу, ведущему из трюма наверх.

На нижней палубе с самыми дешевыми местами царило волнение. Спящие недовольно просыпались, а вокруг одной из коек, на которую свалился мужчина с серым от боли лицом, уже собралась небольшая толпа. «Доктора! — доносилось из нее. — Есть здесь доктор?»

Вскоре появился и врач в наброшенном поверх пижамы плаще. Высокая женщина в коричневом платье тревожно следила за тем, как он расстегивал рубашку больного. Осторожно он ощупал его живот, и Ротфельд пронзительно вскрикнул.

Женщина в коричневом платье молниеносным движением оттолкнула руку врача, и тот испуганно отшатнулся.

— Все в порядке, — прошептал лежащий мужчина. — Это врач. Он мне поможет. — Он протянул руку и сжал ее пальцы.

Доктор опять начал ощупывать живот больного, то и дело опасливо поглядывая на женщину.

— Это аппендицит, — объявил он наконец. — Больного надо срочно доставить к судовому хирургу.

Доктор взял Ротфельда за руку и поднял его на ноги, еще несколько пассажиров подхватили с другой стороны, и так плотной кучкой они двинулись через трюм: в центре теряющий сознание Ротфельд, а сзади — не отстающая ни на шаг женщина.

Судовой врач был из тех людей, которые терпеть не могут, когда их будят посреди ночи, да еще ради того, чтобы разрезать какого-то безмянного босяка с нижней палубы. Ему хватило одного взгляда на пациента, слабо шевелящегося на операционном столе, чтобы понять: любые усилия окажутся бесполезными. Высокая температура, лихорадка и воспаление аппендикса, который, скорее всего, уже прорвался и затопил брюшную полость пациента ядовитым гноем. Вряд ли тот вынесет операцию. Иностранцы, притащившие больного в каюту, смятенной кучкой уже выползали из дверей, так и не сказав за все время ни слова по-английски.

Что ж, делать нечего. Придется оперировать. Врач послал за своим помощником, а сам начал готовить инструменты. Он искал банку с эфиром, когда дверь у него за спиной с грохотом распахнулась. В каюту шагнула высокая темноволосая женщина, одетая, несмотря на ледяную атлантическую ночь, только в тонкое шерстяное платье. На лице у нее было выражение, близкое к панике. Его жена или возлюбленная, решил доктор.

— Надеяться на то, что вы говорите по-английски, по всей видимости, не приходится, — пробурчал он, и, разумеется, в ответ она только молча уставилась на него. — Боюсь, вам нельзя здесь оставаться. Женщинам не разрешается присутствовать при операциях. Прошу вас, уйдите. — Он указал ей на дверь.

Она его, по крайней мере, поняла, решительно помотала головой и начала что-то горячо объяснять на идише.

— Послушайте, — снова заговорил хирург и крепко взял ее за локоть.

Ощущение было таким, словно он взялся за уличный фонарный столб. Женщина не тронулась с места и только нависла над ним, грозная и вдруг показавшаяся гигантской, как валькирия. Испуганно, точно обжегшись, доктор выпустил ее руку.

— Поступайте как хотите, — буркнул он, отвернулся и опять занялся банкой с эфиром, стараясь не обращать внимания на странную тень, маячащую за спиной.

Дверь в каюту снова открылась, и в нее вошел встрепанный, еще не совсем проснувшийся молодой человек:

— Доктор, я... О боже милостивый!

— Не обращай на нее внимания, — посоветовал помощнику доктор. — Она отказывается уходить. Если упадет в обморок, тем лучше для нее. А сейчас поспеши, не то он умрет раньше, чем мы его разрежем.

Он усыпил своего пациента с помощью эфира, и они приступили к работе.

Если бы двое медиков знали о том, какая страшная борьба происходит в душе стоящей у них за спиной женщины, они побросали бы свои инструменты и в ужасе бросились прочь из операционной. И если бы женщина была немного поглупее, она задушила бы их обоих в тот самый момент, когда скальпель коснулся кожи ее хозяина. Но она помнила о докторе на нижней палубе и о том, как хозяин верил, что он ему поможет, а ведь это тот доктор доставил его сюда. И все-таки, пока медики вскрывали брюшную полость больного и рылись в его внутренностях, ее кулаки судорожно сжимались и разжимались. Всей душой она мысленно стремилась к хозяину, но никак не могла уловить его сознания, желаний или приказов. Она теряла его и понимала это.

Хирург достал что-то из тела Ротфельда и бросил в таз.

— Ну вот, мы удалили эту гадость, — сказал он и оглянулся через плечо. — Еще держишься? Молодец.

— Может, она слабоумная? — вполголоса предположил помощник.

— Не обязательно. У этих крестьян железные желудки. Саймон, зажим!

— Простите, сэръ.

А тем временем тело на столе проигрывало борьбу за жизнь. Отто Ротфельд вздохнул раз, другой, третий, а потом испустил свой последний, неверный вздох.

Голем вздрогнула и сильно пошатнулась, когда порвалась и растаяла последняя, связывающая ее с хозяином нить.

Врач наклонил ухо к груди Ротфельда, взял его за руку и тут же бережно вернул ее на место.

— Запиши время смерти, — велел он помощнику.

Тот сглотнул и взглянул на хронометр:

— Два часа сорок восемь минут.

На лице врача было написано искреннее огорчение.

— Ничего нельзя было поделать, — с горечью сказал он. — Он слишком долго тянул. Боль, наверное, продолжалась не один день.

Женщина не сводила глаз с неподвижной фигуры, распростертой на столе. Еще мгновение назад это был ее повелитель, смысл ее жизни, а теперь он превратился в ничто. Она чувствовала себя потерянной и совершенно беспомощной. Шагнув вперед, она прикоснулась рукой к его лицу, отвалившейся челюсти, навсегда опущенным векам. Он уже начал остывать.

Пожалуйста, не надо.

Женщина отдернула руку и оглянулась на двух мужчин, в ужасе следящих за нею. Никто не нарушал молчания.

— Примите мои соболезнования, — произнес наконец хирург, надеясь, что она поймет его тон. — Мы сделали все, что могли.

— Я знаю, — кивнула женщина и только потом сообразила, что поняла фразу на незнакомом языке и ответила на нем же.

Хирург озадаченно нахмурился и переглянулся с помощником

— Миссис... Простите, а как его звали?

— Ротфельд, — ответила женщина. — Отто Ротфельд.

- Миссис Ротфельд, поверьте, мне очень жаль. Возможно...
- Вы хотите, чтобы я ушла.

Это был не вопрос и не внезапное осознание неуместности своего присутствия. Она просто знала, так же четко, как видела тело своего мертвого хозяина на столе, как ощущала ядовитые пары эфира, что этим людям мешает ее присутствие.

— Да, думаю, так будет лучше, — подтвердил хирург. — Саймон, пожалуйста, проводи миссис Ротфельд на нижнюю палубу.

Она позволила молодому человеку вывести себя в коридор. Ее била крупная дрожь. Какая-то часть ее все еще металась вокруг в поисках Ротфельда. И в то же время откровенное смущение помощника и его желание поскорее избавиться от нее туманили ей мысли и мешали думать. Что происходит с ней?

У дверей, ведущих в помещение нижней палубы, юноша виновато пожал ей руку и поспешно удалился. Что же ей делать? Войти туда и оказаться лицом к лицу со всеми этими людьми? Она неуверенно взялась за ручку двери и приоткрыла ее.

Желания и страхи пяти сотен пассажиров навалились на нее душной волной.

Когда же я наконец засну? Хоть бы его перестало тошнить. Он когда-нибудь прекратит храпеть? Как хочется пить. Сколько еще осталось до Нью-Йорка? А если наш пароход пойдет ко дну? Если бы мы были вдвоем, то занялись бы любовью. Господи, как же я хочу вернуться домой.

Выпустив ручку двери, женщина бросилась прочь.

На пустынной верхней палубе она нашла скамейку и решила просидеть на ней до утра. Начал накрапывать холодный дождик, и скоро он насквозь промочил ее платье, но она не замечала ничего, кроме сумятицы у себя в голове. Ей казалось, что, оставшись без команд Ротфельда, ее сознание мечется в поисках замены и наталкивается на желания и мысли всех пассажиров, наполнявших судно. Между ними и ею не существовало тех уз, что связывают хозяина с его големом, и потому их желания не превращались в команды, но тем не менее она

слышала их, ощущала их остроту, и ее тело непроизвольно дергалось в стремлении исполнить. Каждое чужое желание было как маленькая рука, дергающая ее за рукав: *Пожалуйста, сделай что-нибудь.*

Утром, стоя у самого палубного ограждения, она смотрела, как Ротфельда опускают в океан. День выдался ветреным, и волны украсились белыми барашками. Они проглотили тело Ротфельда почти без всплеска и брызг, а судно ни на миг не прервало своего движения. Возможно, подумала женщина, и ей лучше было бы последовать за хозяином. Она шагнула вперед и перегнулась через перила, пристально всмотрелась в морскую глубину, но два человека, отделившись от кучки зевак, торопливо подскочили к ней и отвели вглубь палубы.

Скоро любопытные разошлись. Мужчина в судовой livрее вручил ей маленькую кожаную сумочку, объяснив, что это все имущество Ротфельда. Немногим раньше какой-то добросердечный член экипажа накинул женщине на плечи шерстяную куртку, и сейчас она засунула сумку в карман куртки.

Небольшая кучка пассажиров с нижней палубы совещалась, недоумевая, что делать с ней дальше. Оставить в покое или проводить ее вниз? Всю ночь от койки к койке переползали слухи. Один человек настаивал, что странная женщина вынесла покойного на нижнюю палубу на руках. Какая-то дама уверяла, что заметила Ротфельда еще в Данциге, где он костерил матросов, чересчур небрежно бросивших тяжелый деревянный ящик, и что на судно он садился один. Они вспоминали, как она, точно дикое животное, схватила доктора за руку. Да, в этой женщине было что-то очень странное. И стояла она слишком неподвижно, словно приросла к палубе, и оставалась безучастной к ледяному ветру, от которого дрожали все остальные. Она смотрела вперед, совсем не моргая, и, кажется, еще не проронила ни слезинки.

Наконец они решили заговорить с ней, но своим чутьем голема она уловила их страхи и подозрения, а потому отверну-

лась от поручней и решительно пошла прочь, демонстрируя прямую спину и явное желание остаться в одиночестве. Когда она проходила мимо, им показалось, что на них пахнуло холодным воздухом могилы, и они охотно оставили ее в покое.

Женщина прошла через всю палубу к ведущему вниз трапу и спустилась в грузовой трюм — единственное в ее короткой жизни место, где она не чувствовала себя в опасности. Она нашла открытый ящик, забралась в него и, приподняв крышку, задвинула ее. Лежа в полной темноте, она снова и снова перебирала в голове то немногое, что успела узнать. Она — голем, а ее хозяин мертв. Она находится на судне посреди океана. Если остальные пассажиры узнают, кто она такая, они будут ее бояться. Поэтому до конца путешествия ей придется оставаться здесь.

Некоторые, самые сильные желания пассажиров наверху достигали ее даже в глубине трюма. Маленькая девочка с нижней палубы потеряла игрушечную лошадку и теперь, безутешная, все плакала и плакала. Какой-то пассажир второго класса, решивший начать новую жизнь, вот уже третий день не брал в рот спиртного. Запустив пальцы в растрепанные волосы и дрожа, он метался по своей крошечной каюте и не мог думать ни о чем, кроме порции бренди. Эти и множество других желаний то ненадолго ослабевали, то набрасывались на нее с новой силой, гнали куда-то, побуждали бежать наверх и помогать, но она слишком хорошо помнила подозрительные взгляды пассажиров на палубе и потому оставалась в ящике.

Она провела в нем остаток дня и всю ночь, прислушиваясь к скрипам и жалобным стонам других ящиков и сундуков. Она чувствовала себя бессмысленной и бесполезной. И понятия не имела, что делать дальше. Единственным намеком на то, куда они направляются, было слово, услышанное от Ротфельда. *Америка*. Оно могло означать все что угодно.

Следующий день встретил судно теплой погодой и радостным зрелищем: тонкой серой полоской, разделившей океан и небо. Все пассажиры высыпали на палубу и не отрываясь

Уэкер Х.

У 97 Голем и Джинн : роман / Хелен Уэкер ; пер. с англ. И. Пандер. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 576 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-22891-7

Трудно быть чужим среди людей, еще труднее быть чужеродным. Как освоиться в незнакомой стране, как преодолеть непонимание, одиночество и страх, как найти свой путь, начать новую жизнь?..

В 1899 году в Нью-Йорке оказываются два мифических существа. Голем, созданный из глины в женском облике, призван верно служить хозяину, но теряет его по дороге в Америку, и внезапная свобода оборачивается сущим мучением. Джинна после тысячелетнего заточения случайно выпускает на волю жестянщик из нью-йоркского района Маленькая Сирия. Могущественный дух пустыни, напрочь забывший прошлое, предшествовавшее его пленению, бессилен в человеческом теле и мечтает вырваться из этих оков. Ожившие персонажи древних преданий очень одиноки, но однажды ночью посреди опустевшего города их пути пересекутся...

«Голем и Джинн» представляет собой «метафорическую автобиографию» — по признанию автора, роман основан на ее личной истории и она вдохновлялась сходством между двумя семьями, принадлежащими к различным культурным традициям. В 2014 году книга была удостоена Мифопоэтической премии за лучший роман.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ХЕЛЕН УЭКЕР
ГОЛЕМ И ДЖИНН

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Ирина Киселева, Валентина Гончар

Подписано в печать 29.03.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 35,28.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-BRM-31836-01-R